

Клочков Виктор Викторович – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: vvklochkov@sfedu.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: 88634311427, 89286167321; кафедра теории права; зав. кафедрой; к.и.н.; доцент.

Klochkov Viktor Viktorovich – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: vvklochkov@sfedu.ru; 44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia; phones: +78634311427, +79286167321; the department of theory of law; head the department; cand. of hist. sc.; associate professor.

УДК 34

В.С. Назарова

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В КООРДИНАТАХ
«ТРАДИЦИЯ-МОДЕРНИЗАЦИЯ»: ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Сделан анализ теории модернизации как распространенной объяснительной модели, ее становления, теоретического оформления и эволюции. Рассмотрена историография понятия модернизации с позиций двух подходов. Автор анализирует осмысление модернизации как научную парадигму, с одной стороны, и как историческую категорию, понимаемую как определенный исторический процесс либо как комплекс институциональных преобразований в эпоху Нового времени, с другой стороны. Также автором отмечены основания для критики теории модернизации и направления ее совершенствования на рубеже веков.

Модернизация; традиция; современность; институты.

V.S. Nazarova

**EVOLUTION OF POLITICAL INSTITUTIONS IN THE COORDINATES
«TRADITION-MODERNIZATION»: EXPLANATORY MODEL
IN HISTORICAL PERSPECTIVE**

The paper analyses theory of modernization as widespread explanatory model, its emergence, theoretical formulation and evolution. The article examines the historiography of the concept of modernization from the standpoint of the two approaches. Author analyses reflections on modernization as the scientific paradigm, on the one hand, and as the historical category, understood as a specific historical process or a set of institutional reforms in the Modern Age, on the other hand. Author also states basis for the critics of the theory of modernization and trends for its improvement at the turn of the centuries.

Modernization; tradition; modernity; institutions.

Изучение характера и направленности социальных и политических изменений является одной из ключевых проблем исторического познания. Замечание известного французского историка-анналиста Ж. ле Гоффа о том, что историк всегда предпочитает человеческие существа абстракциям, но не в состоянии понять их иначе, чем в рамках тех социальных и политических систем, в которых они жили, имеет совершенно особое значение в этом отношении [1]. Осмысление социально-политических трансформаций в различные исторические эпохи породило различные объяснительные модели как линейной эволюции, так и циклического развития социальных структур и политических институтов.

Теоретическая концептуализация модернизации как самосознающей интеллектуальной парадигмы является продуктом относительно недавнего прошлого. Современный российский политолог С.Н. Гавров отмечал, что модернизация является своего рода максимальным выражением идеологии прогресса и всей прогрессивной культурно-цивилизационной парадигмы, которая доминировала в общественном сознании до середины XX в. [2]. В этом отношении модернизация как одна из объяснительных моделей трансформации общества может быть описана как составляющая часть всякого развития.

В то же время дискурс модернизации, очевидно, противопоставляется более раннему дискурсу развития. Модернизация понимается как совокупность экономических, демографических, психологических и политических изменений, претерпеваемых традиционным обществом в процессе его трансформации в общество современного типа [3]. Очевидно, что такое понимание характера общественных изменений требует от исследователя внимания не только к объяснительной модели, но и к эмпирическим данным, так или иначе показывающим или дающим возможность показать, какие качественные характеристики общества и насколько претерпевают изменения здесь и сейчас. Таким образом, модернизация может быть представлена как дефиниция, используемая для характеристики процесса социальных изменений, посредством которого менее развитые общества обретают черты и характеристики, отличающие развитые общества. В теоретическом отношении модернизацию следует рассматривать в двух тесно связанных друг с другом аспектах.

Во-первых, модернизация является предметом анализа в качестве определенной научной парадигмы, используемой для исследования трансформирующихся социальных систем. В этом отношении модернизация имеет достаточно длительную предысторию, поскольку опирается на методологические принципы, характерные для эволюционного подхода к объяснению социальной динамики и стратификации. Методологические корни модернизации как объяснительной модели справедливо усматриваются в классической социологии и философии истории. Достаточно вспомнить, что процесс социальных преобразований анализировался К. Марксом через противопоставление личных, традиционно-естественных отношений и отношений вещных, отчужденных и опосредованных товарным обменом и разделением труда. О. Конт анализировал аналогичный процесс через противопоставление военного и промышленного общества, а М. Вебер – через понятия рационализации и «расколдовывания» (*entzauberung*) мира [4].

Однако если классические теории предлагают строгие и универсальные причинно-следственные модели социальной динамики и стратификации, то современный модернизационный проект основывается на объяснении модернизации как серии процессов, начавшихся в уникальной исторической ситуации, сложившейся в Европе на рубеже раннего Нового времени (конец XV – начало XVI вв.) [5]. Для эволюционной теории идея развития заключалась в переходе от предыдущего к очередному, очевидному и линейному прогрессе, понимаемом в том смысле, что любая историческая эпоха, по ироничному замечанию В. М. Ракова, является «переходом от чего-то к чему-то» [6]. Для современной теории модернизации самым характерным стал принцип уникальности любого общества, переживающего модернизационные изменения, и вариативности исторической эволюции. Характеризуя эти базовые методологические различия, П. Андерсон отмечал, что классические социологические теории, прежде всего марксистские, сосредоточены на «базовых исторических категориях», тогда как индивидуальные исторические обстоя-

тельства если и анализируются, то зачастую без ссылок на их последствия и взаимосвязь [7]. С этой точки зрения модернизация как объяснительная модель, анализирующая причины и характер уникального для каждого общества набора социальных изменений, не представляет из себя жестко детерминированной теории. Скорее мы имеем дело с неким наброском теории общественных изменений, сформулированной не на уровне однозначных и систематически связанных утверждений, но на уровне эмпирических обобщений и концептуальных связей между ними [8].

Во-вторых, модернизацию следует рассматривать как собственно исторический процесс и комплекс социально-экономических, политических и культурных реформ, осуществляемых на институциональном уровне, в странах Европы в XVI – начале XIX вв. Представление о единстве модернизационного процесса сформировалось не сразу. Следует иметь в виду, что общества, переживавшие процесс перехода от традиции к современности, еще не имели представления о тенденциях, характерных для подобного перехода.

Положение меняется в первой трети XIX в. Мысль о том, что в предыдущие два столетия Европа переживает комплекс взаимосвязанных социокультурных изменений, которые в итоге привели к формированию современной европейской цивилизации, сопровождает историографию XIX в. на всем ее протяжении. В конце XIX – начале XX в. накопление нового эмпирического материала создает потребность в исторических интерпретациях совершенно иного уровня. Именно в этот период оформляется представление о XVI–XVIII вв. как эпохе в европейской истории, ознаменовавшей переход от традиционного общества к современности. Исследования в этом направлении начались с новой типологии социальности, предложенной Ф. Теннисом в 1887 г. и основанной на противопоставлении общности и общества. Общность или община является, по мнению автора, органической целостностью, основанной на таких понятиях, как семья, соседство, территория и владение. Общность в этом смысле предшествует обществу, которое строится на формально-юридических основаниях и опирается на такие структурные элементы, как собственность, деньги и формально структурированное право [9]. Нетрудно отметить, что дихотомия Ф. Тенниса во многом построена по образцу более ранних противопоставлений К. Маркса и О. Конта, однако является явлением совершенно иной методологической природы. Здесь впервые обращается внимание не на абстрактную социологическую схему, а на объяснительную модель общества в состоянии трансформации, наполненную вполне определенным эмпирическим содержанием.

В начале XX в. исследование дихотомии традиционного и современного в истории европейских обществ продолжил В. Зомбарт. Благодаря его работам термин «капитализм» окончательно утвердился в качестве одной из основополагающих социокультурных характеристик современного общества. В дихотомии традиционного и современного капитализм обрел себя как новый социально-экономический порядок, сменивший традиционный, ориентированный на извлечение прибыли и связанный с определенной психологией, базирующейся на рациональном отношении к делу и чувстве ответственности за его результат. С этого времени переход от традиционного общества к современному в рамках традиционной объяснительной парадигмы наполняется вполне определенным содержанием [10].

Следующий этап в исследовании смысла и содержания перехода от традиционного общества к современному связан с работами М. Вебера. Исследуемая дихотомия интересовала его с точки зрения поиска причин уникальности и специфичности исторического развития европейской цивилизации. Сравнивая европей-

ские цивилизационные основы с аналогичными устоями обществ Востока, М. Вебер пришел к выводу, что еще с Античности в европейской истории была заложена тенденция к рационализации, вполне оформившаяся в XVI–XVIII вв. в форме протестантской этики [11]. М. Вебер указывает также, что европейская рационализация носит тотальный характер, охватывая экономику, политику, институциональную сферу и культуру. Именно в результате этой тотальности, отличающей Европу от других регионов, возникает современная европейская цивилизация, привилегией которой стало сочетание институциональной устойчивости с социокультурным динамизмом, неизвестным, по крайней мере в сопоставимой степени, другим культурно-историческим регионам. В результате работ М. Вебера дихотомия традиционного и современного окончательно кристаллизуется и становится достоянием широкой научной общественности. Завершает ее формирование работа немецкого философа истории Э. Трельча «Историзм и его проблемы», в которой автор констатировал появление в XVI в. «нового мира» и считал одной из важнейших задач современного ему историописания определение его важнейших качественных характеристик [12].

В середине XX в. начинается новый этап в эволюции объяснительных моделей трансформационных процессов в раннесовременной Европе, связанный с именами К. Ясперса и Р. Гвардини. Кризисное состояние Европы после Второй мировой войны наложило весьма существенный отпечаток на общее умонастроение. К. Ясперс впервые формулирует идею о том, что Европа «более не является господствующим фактором» мировой истории, которая становится глобальной и значение неевропейских сил в которой будет со временем только расти. Современник Ясперса Р. Гвардини представил Новое время как совершенно особую картину мира. Ее возникновение автор относит к XVII в., а кризис – к середине XX столетия. Именно тогда окончательно кристаллизуется представление о новоевропейском экономическом, политическом, институциональном и культурном типе, который наконец обрел и верхнюю границу, обособившись окончательно от современной культуры [13].

Во второй половине 50–60-е гг. XX в. возникают первые теории модернизации как совершенно особой объяснительной модели, базирующейся на иных методологических установках, нежели эволюционные объяснительные схемы. Однако следует помнить, что основные положения теории модернизации в ее раннем варианте были во многом выработаны благодаря всплеску интереса к эволюционным теориям на фоне общеевропейской стабилизации. Показательной в этом отношении стала работа У. Ростоу, одного из основателей экономического направления в теории модернизации. Наряду с традиционной (доиндустриальной) и современной (индустриальной) стадиями развития общества у Ростоу появляется представление о некоем переходном периоде [14]. Нетрудно заметить, что концепция У. Ростоу является результатом усложнения и динамизации историософских представлений первой половины XX в.

Вторая работа, оказавшая огромное влияние на формирование теории модернизации с точки зрения метода исследования, принадлежит Т. Парсонсу [15]. Автора интересовали особенности функционирования социальных систем и разработка общей теории социального изменения на макросоциологическом уровне. Эволюционная доктрина Парсонса базируется на представлении о направленном развитии обществ в сторону повышения «обобщенной адаптивной способности» в результате функциональной дифференциации и усложнения социальной организации. Развитие, по Т. Парсонсу, происходит в результате развертывания «эволюционных универсалий», определяющих способность общества адаптироваться к переменам.

Получив широкое распространение как весьма привлекательная объяснительная модель, ранняя теория модернизации достаточно быстро обнаружила и достаточно существенные недостатки. Главным из них был европоцентризм, когда западный путь к современной цивилизации признавался единственно приемлемым. С другой стороны, именно западный образец принимался в качестве цели развития, по степени приближения к которой считалось возможным оценить успехи и неудачи любой современной модернизации. Второй весьма характерный недостаток – рассмотрение культурной традиции как препятствия на пути модернизации, консервирующего социальную «отсталость» и затрудняющего институциональные реформы [16].

В этой связи в 70–80-е гг. XX в. возникает более сложная и комплексная редакция теории модернизации. Ее отличительная особенность от предыдущей концепции состоит в принципиальном признании идеи вариативности общественного развития, обусловленной традицией и историческим опытом каждого отдельно взятого социума. Происходит и радикальная переоценка места и роли традиции в модернизационном процессе. Исследователи приходят к выводу, что традиция должна анализироваться конкретно-исторически, поскольку в различном историческом контексте традиционные структуры ведут себя по-разному, как препятствуя, так и способствуя процессу модернизации. Этому аспекту модернизационной теории посвящены многочисленные работы основоположника социологической школы в модернизационной теории Ш. Эйзенштадта [17]. Ему же принадлежит и идея о том, что в ходе успешной модернизации общества традиция не разрушается, но определенным образом модернизируется и преобразуется, что дает основания говорить о посттрадиционном обществе [18]. Следует также упомянуть историка экономики И. Валлерстайна, который исходил из предположения, что уже с XVI в. история отдельных стран в значительной степени зависела от мирового баланса экономических сил, влияющего на успехи и неудачи модернизационных процессов [19].

Итогом научных поисков в 70 – начале 90-х гг. прошлого века стал новый образ истории. Теория модернизации, несмотря на разнообразие существующих внутри нее подходов – экономического, социологического, макросоциологического, сравнительно-исторического, – представляется единым направлением исследований. Постоянно усложняющееся представление о модернизации сочетает методологический плюрализм с идеей вариативности исторического развития. Модернизационная парадигма исходит из предположения о наличии такого социального порядка, который функционирует диалогически, представляя из себя совокупный продукт специфических социальных опытов и практик.

Модернизация как объяснительная модель, направленная на изучение и анализ соотношения традиционного и современного, предложила и весьма интересную дихотомию в области метода: с одной стороны, конструируется некая общая модель, в большей или меньшей степени абстрактная, с другой – изучаются конкретные локальные случаи, причем прослеживаются их взаимные последствия и взаимосвязь. Практическим следствием такого методологического подхода является то обстоятельство, что общие концепты, в том числе и сам концепт модернизации, не «отрываются» от исторической действительности настолько, чтобы потерять всякое объяснительное значение, а конкретные исследования, ограниченные определенными географическими или временными рамками, остаются способными привести к теоретическим обобщениям.

Таким образом, в рамках модернизационной объяснительной модели были выработаны общие семантические черты, характерные для европейской модернизации XVI – XVIII вв. Во-первых, модернизирующееся общество вступает в не-

равновесное состояние, резко повышается степень исторического риска, связанного с делегитимацией институтов власти и политического участия, эрозией социальных ценностей, ростом неконтролируемого насилия. Надежных гарантий спокойных и последовательных преобразований при этом не существует.

Во-вторых, модернизирующееся общество воспринимает универсальные принципы и приводит в действие унифицирующие силы, постепенно собирающие локальные социальные группы, на которые раздроблен традиционный социум, в относительно единое «большое общество». Одна из таких унифицирующих сил – рынок и товарно-денежные отношения, создающие единое экономическое пространство и постепенно размывающие границы многочисленных натуральнохозяйственных зон. Другим унифицирующим фактором является государство, роль которого в процессе модернизации заметно усиливается. Государство XVI – XVIII вв. осуществляет постепенную административную унификацию и создает бюрократию, которая руководствуется рационально обоснованными нормативными предписаниями. Государство не только регулирует экономическую жизнь и обеспечивает необходимую коммуникацию с обществом в рамках политической системы, но и способствует появлению единого культурного стиля и языка культуры.

В обществе, переживающем модернизацию, или «посттрадиционном» в терминологии Ш. Эйзенштадта, постепенно образуются функционально обусловленные подсистемы – экономическая, политическая, социальная и культурная – предельно взаимозависимы и образуют единое целое. Именно такая функционально-специализированная структура резко повышает историческую эффективность и прочность общества, положительно сказываясь на его динамике и адаптивных способностях. Образование новой социальной структуры – растянутый во времени процесс, происходивший в Европе на протяжении XVI – начала XIX вв. В свою очередь, дифференциация социальных подсистем раннесовременного общества предполагает появление новых универсальных категорий, оказывающих огромное влияние на формирование социальной структуры. В экономической сфере это предполагает разделение труда и конкуренцию, регламентируемую правом. В политике утверждается система разделения властей и происходит трансформация места и роли государства в политической системе, появляются новые способы и механизмы коммуникации общества и государства. В социальных отношениях сословно-корпоративная организация уступает место формальному гражданскому равенству, на фоне которого кристаллизуются горизонтально интегрированные социальные группы, обычно именуемые классами [20].

Наконец, синкретическая культура традиционного общества в процессе модернизации распадается на относительно автономные сферы. Статус наук обретают философия, политика и право, фигуры мудреца, святого и мастера с их диффузными социальными статусами заменяются специалистами, администраторами и учеными. Профессионализм и компетентность становятся социальными ценностями и ориентирами [21].

Представляется, что теория модернизации, понимаемая как объяснительная модель, способна дать удовлетворительное описание экономических, социальных, политических и культурных процессов, происходивших в Европе в XVI – начале XIX вв. Теоретическое осмысление результатов такого описания на уровне универсальных категорий позволяет представить динамику трансформационного процесса в Европе. В этом отношении XVI и XVII вв. рассматриваются как кризисный период, когда резкая смена старого социального устройства новым породила ситуацию культурно-исторической неопределенности и социально-психологическую дезориентацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 203.
2. *Гавров С.Н.* Модернизация во имя Империи. – М., 2004. – С. 186.
3. *Шевелев В.Н.* Россия: от модернизации к трансформации. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 23.
4. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. – М., 1990.
5. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999. – С. 126-127.
6. *Раков В.М.* «Европейское чудо». Рождение новой Европы в XVI–XVIII вв. – Пермь, 1999. – С. 29.
7. *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. – М., 2009. – С. 24.
8. *Шевелев В.Н.* Указ. соч. – С. 18.
9. *Tonnies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft. В., 1920. Автор выражает благодарность магистру Европейских исследований С. Андерсу за помощь в работе над текстом этой книги.
10. *Зомбарт В.* Современный капитализм. Т. 1–2. – М., 1903–1905; Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М., 1924.
11. *Вебер М.* Указ. соч. – С. 128-132.
12. *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. – М., 1994. – С. 648-650.
13. *Гвардини Р.* Конец Нового времени. Раздел 3 // Вопросы философии. – 1990. – № 4.
14. *Rostow W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960. – P. 22-28.
15. *Parsons T.* Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. – New Jersey, 1966.
16. Среди других работ «первой волны» модернизационной теории отметим следующие: Арон Р. Эссе о свободах. – М., 2005; Marshall T. H. Class, Citizenship and Social Development. N-Y., 1964; Levy M. Modernization and the Structure of Societies. A Setting for International Affairs. Princeton, 1966. – Vol. 1–2.
17. *Eisenstadt S. N.* Tradition, Change and Modernity. N-Y., 1973; Historical Tradition, Modernization and Development // Patterns of Modernity. The West. – N-Y., 1987. – Vol. 1; European Civilization in a Comparative Perspective. Oslo, 1987.
18. *Eisenstadt S.N.* Post-Traditional Societies and the Continuity and Reconstruction of Tradition // Post-Traditional Societies. Ed. by S. N. Eisenstadt. – N-Y., 1972.
19. *Wallerstein I.* The Modern World System. – N-Y., 1989. – Vol. 1–3. Краткое изложение этой работы: Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. – М., 2006.
20. О классовой структуре раннесовременных обществ: Беттел Т. Указ. соч.; Хеншелл Н. Указ. соч.; Андерсон П. Указ. соч.; Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010; Дидерикс Г. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация западной Европы с XV в. по 1980 г. – М., 1998.
21. *Раков В. М.* Указ. соч. – С. 30.

Статью рекомендовал к опубликованию д.ю.н., профессор А.Ю. Мордовцев.

Назарова Вероника Сергеевна – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: doors80@mail.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: 88634371652, 89281774059; кафедра теории права; старший преподаватель.

Nazarova Veronika Sergeevna – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: doors80@mail.ru; 44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia; phone: +78634371652, +79281774059; the department of theory of law; senior lecturer.